

Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою?*

Дмитрий Сергеевич Крылов

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Михаил Алексеевич Соколов

Независимый исследователь,
Таллин, Эстония

Re-reading the Birchbark Letter 141 from Novgorod: Where Did Griška and Kosta Go?

Dmitry S. Krylov

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Mikhail A. Sokolov

Independent scholar,
Tallinn, Estonia

Резюме

В статье рассматриваются три аномальные словоформы в тексте берестяной грамоты № 141: *оу Ладонги*, *Гришки* и *на Мовозери*. Первая считалась антропонимом со странной фонетикой и неясной этимологией; вторая была единственным в древнерусском языке XI–XIV вв. примером родительного падежа принадлежности у одиночного антропонима *а*-склонения; *Мовозеро* же не отыскивалось на географической карте. Авторы демонстрируют, что буква *П* в первой словоформе должна быть исключена из текста грамоты, что дает прочтение *оу Ладонги* ‘в [городе] Ладоге’. Синтаксический фантом исчезает,

* Авторы сердечно благодарят А. А. Гиппиуса за ценные критические замечания.

Цитирование: Крылов Д. С., Соколов М. А. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 253–265.

Citation: Krylov D. S., Sokolov M. A. Re-reading the Birchbark Letter 141 from Novgorod: Where Did Griška and Kosta Go? *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 253–265.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

если допустить, что перед нами притяжательное прилагательное *Гришкине* с пропущенным последним слогом. В третьем же случае текст необходимо иначе разделить на слова: *намо в озери*. Первая и третья поправки позволяют более детально реконструировать прагматику текста: рыбаки Гришка и Коста оставляют вещи на хранение в Ладоге и отправляются на Ладожское озеро, а грамоту посылают в Новгород к родственникам, которые в случае гибели рыбаков смогут получить означенное в документе имущество. Если эта реконструкция верна, то глагол *възмете* в конце грамоты можно интерпретировать только как форму 2 л. мн. ч., устраняя грамматическую амбивалентность.

Ключевые слова

Древненовгородский диалект, древнерусский язык, берестяные грамоты, ошибки письма, выражение притяжательности, исторический синтаксис восточнославянских языков, историческая ономастика русского языка, историческая топонимика русского языка, Ладога

Abstract

The article discusses three abnormal word forms in the text of the birchbark letter No. 141: *u Ladopgi*, *Griški* and *na Movozeri*. The first word was previously considered an anthroponym with unusual phonetics and unclear etymology. The second word was the only example in 11th–14th-century Old Russian of a possessive genitive of an isolated *a*-declined anthroponym. The limnonym *Movozero*, in its turn, was not found on any geographical maps. The authors demonstrate that the letter П in the first word is written by mistake (syllable omission before the subsequent *položile*), which gives the reading *u Ladogi* ‘in Ladoga [city]’. The syntactic phantom disappears if we assume that *Griški* is the possessive adjective *Griški<ne>*, again, with the last syllable omitted by mistake. In the third case, one should divide the text into words differently: *namo v ozeri*. The first and third corrections allow for a more detailed reconstruction of the text’s pragmatics: the fish merchants Griška and Kosta leave their belongings for storage in Ladoga city and go to Ladoga Lake, sending the letter to their Novgorodian relatives who, in the event of merchants’ death, will be able to receive the property specified in the document. If this reconstruction is correct, we can eliminate the grammatical ambivalence of the final verb *vъzmete*, which should be interpreted as a form of praes. 2 pl.

Keywords

Old Novgorod dialect, Old Russian language, birchbark letters, misspellings, expression of possessiveness, historical syntax of the East Slavic languages, Russian historical onomastics, Russian historical toponymy, Ladoga

Введение

Новгородская берестяная грамота № 141 была найдена на усадьбе Б Неревского раскопа в слоях последней трети XIII в. Внестратиграфически она датируется последним двадцатилетием XIII в. [Зализняк 2000: 338]. В монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [ДНД₁:

404–405; ДНД₂: 493–494] текст интерпретируется как документ об отдаче вещей на хранение (*съблюденію*) перед отъездом на Мовозеро, ср. такую же интерпретацию со ссылкой на Псковскую судную грамоту в [Черепнин 1969: 361–362]. Грамоту понимали также как описание ломбардной операции, заклада [НГБ 1958: 17–19; Кафенгауз 1960: 173; Fassin 1995: 162; Янин 1998: 171, 350; Малькова 2012: 34].

Определенные дискуссии в исследовательской литературе шли об идентификации словоформы *са подите* [Жуковская 1959: 52–53, Янин 1986: 229] и грамматического статуса *присл{л}авъши* [Мещерский 1995: 137], но в [Зализняк 1986: 193] и [ДНД₁: 405] эти проблемы были убедительно решены А. А. Зализняком.

Актуальная версия текста и перевода грамоты представлена в обоих изданиях ДНД следующим образом:

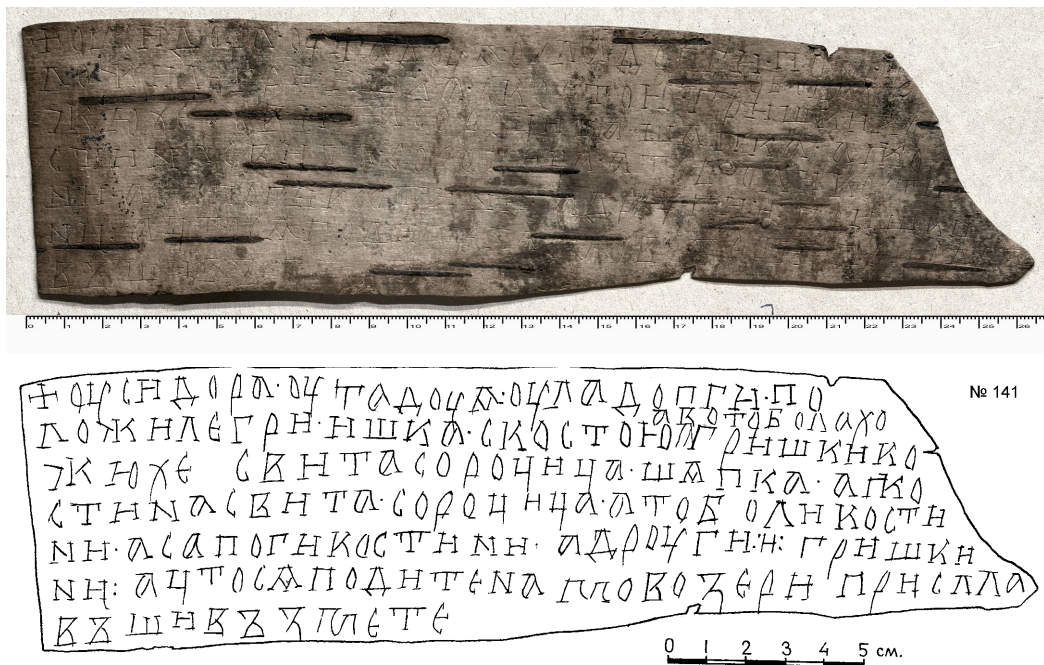
+ оу сидора · оу тадоуа · оу ладопги · по
 ложила гри·{и}шка · с костою ^{а во тобола} а гришки ко
 жюхе · свита сороцица · шапка · а ко
 стина свита · сороцица · а тоболи кости
 ни · а сапоги костини · а друуги:и : гришки·
 ни : а цто са подите на мовозери присл{л}авъ
 въши възмете

‘У Сидора, Тадуа и Ладопги (другой вариант: у Сидора-Тадуа, по прозвищу Ладопга) положил Гришка с Костой в сумках [вещи]: Гришкины — шуба, свита, рубашка, шапка, Костины — свита, рубашка; а [сами] сумки Костины; да [еще] сапоги Костины, а другие Гришкины. А если что случится на Мовозере, приславши [за вещами], возьмет [их] (или: возьмете)’ [ДНД₂: 493].

Как мы покажем в настоящей статье, в тексте грамоты, предложенном в издании, «поселились» сразу два ономастических фантома, заслонявших от исследователей отраженную в тексте ситуацию. «Изгнав» эти привидения из текста, можно определить с переводом последнего слова грамоты, а также несколько иначе определить грамматический статус слова *Гришки* во второй строке.

1. Фантом антропонимический

Уже после выхода в свет ДНД₂ возникла дискуссия об этимологии слова *Ладопга*. А. А. Зализняк [ДНД₂: 494, 616] считал ее антропонимом и осторожно сравнивал с диалектным *лодьба* ‘разновидность сига’ (ср. прозвище *Ладога* в грамоте № 50, которое Зализняк вслед за В. И. Далем связывал со словом *лодога~лудога~ладога* ‘сиг’ прибалтийско-финского происхождения). Но конкретная цепочка фонетических и словообразовательных изменений, позволяющая связать эти слова, не вполне ясна.

Фотография и прорись берестяной грамоты № 141.
Источник: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/141/>

А. Л. Шилов предложил три другие финно-угорские этимологии, каждая из которых подразумевает пропуск гласного между *n* и *g*:

На прибалтийско-финской почве компонент *Ладо-* можно сопоставить с *latu*, *ladu* 'лыжня' и многими другими лексемами. Компонент же *-nga* (искаженный при написании грамоты?) заманчиво сопоставить с частотными в древних прибалтийско-финских именах *poika*, *poiku*, *poiga*, *poig*, *poeg* 'сын'. Впрочем, этот компонент может восходить и к прибалт.-фин. *pohja* 'угол, край залива', тогда имя — *nomina regionalia*. Не исключено и саамское происхождение антропонима, ср. саам. *ladd-* с целым рядом значений, в том числе — 'финский'; ср. также саамские имена *Ladda(sh)* и *Puke* [Шилов 2010: 44].

На тот факт, что последовательность *-ng-* противоречит прибалтийско-финской фонотактике, обращал внимание Я. Саарикиви. Поэтому и финский исследователь предположил, что написание является опiskой («misspelling»). Сопоставляя антропоним с финскими именами *Latukka* и *Latikka*, он, однако, справедливо отмечает, что «in this case the Russian word final *-ga* (pro *-ka*), would be somewhat unexpected» [Saarikivi 2007: 233–234].

Соседство графем, передающих глухую и звонкую шумные согласные, могло возникнуть в результате падения редуцированных (ср. примеры типа **ньсдь** 1029/980 [1180–1200], **сдє** 68 [1240–1260], **татѣх** 213 [1240–1260]) или в результате непозиционного смещения глухих и звонких (ср. **посдави** 908 [1075–1100] вм. *постави*). Но даже если предположить, что в поздне-др.-рус. записи сомнительная словоформа должна была выглядеть как **Ладопка* или **Ладобга*, никаких следов такого имени в источниках также не удается найти.

Обратим внимание и на палеографическую странность этого места: отсутствие засечек у **п** в слове **ладопги**. Практически все буквы А, Г, И, К, Л, Н, П, Т, А в грамоте имеют ярко выраженные нижние засечки (которых суммарно оказывается около ста)¹. Исключения составляют три буквы Т (в первом слове **костини**, в словах **тоболи** и **цто**). Единичные буквы, низ которых приходится на берестяную «чечевичку», — не в счет. Это говорит о том, что буква **п** в **ладопги** была недописана, о чем также косвенно свидетельствует ее слегка укороченная правая ножка.

Объяснить совокупность этих фактов можно единственным образом: перед нами исправление начатой по ошибке буквы **п** путем приписки справа правильной **г**². Перед нами хорошо знакомый Род.=Дат.=Местн. п. ед. ч. слова *Ладоба*, где конечный слог *-gi* (из ранне-др.-новг. *-gъ*) перед последующим **положиле** был изначально пропущен. Другое возможное объяснение этой ошибки могло бы состоять в том, что, выводя засечку от **г**, писец неосознанно продлил ее почти до низа строки, как если бы он писал **п**: такой тип ошибки — смещение букв, начинающихся с одинаковых штрихов, — тоже распространен, но пропуски слогов встречаются значительно чаще³.

Каков же в грамоте референт у имени *Ладоба*? Указания на некоторые примеры, где слово *Ладоба* употреблено в качестве личного имени [ДНД₂: 616], остаются в силе, так что и в нашей грамоте *Ладоба* может выступать как антропоним. Однако теперь появляется конкурирующая версия, состоящая в том, что перед нами название города⁴. Следо-

¹ Прорись грамоты многих засечек не отражает. Необходимо обращаться к фотографиям на сайте «Древнерусские берестяные грамоты»: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/141/> (02.02.2025).

² Ср., например, написание *моуж{а}* в грамоте № 509 [Зализняк 1986: 111].

³ По предварительным подсчетам, всего в берестяных грамотах 93 пропуска прикрытых слогов, из них 39 исправлены автором; написаний одной буквы вместо другой, начинающейся с тех же штрихов, — 27, из них 9 исправлены.

⁴ По НПК [3: 958, 960] известна также река Ладога (по-видимому, тождественная современной Ладожке). Однако прагматический контекст грамоты практически исключает возможность того, что в ней имеется в виду маленькая речка, на которой стоит одноименный город. Как название Ладожского озера, судя по материалу НКРЯ, *Ладога* впервые упоминается лишь в 1711 г. Следовательно,

вательно, *оу ладо{п}ги* можно перевести также как ‘в [городе] Ладог⁵’ либо ‘у [города] Ладог⁵’. Второй вариант менее предпочтителен в свете прагматики текста: от документа об отдаче вещей на хранение ожидается более точная локализация хранителей, ведь адресаты грамоты должны быть способны этих хранителей найти.

2. Фантом географический

Почти полное единодушие исследователей наблюдается в вычленении топонима *Мовозеро* в конце грамоты (*а цто са подите на мовозери присла{л}а|выши възмете*, где *са подите* = <*са подыеть*> ‘случится’). Только Р. Факкани, пересказывая содержание грамоты, ставит после слова «Мовозеро» знак вопроса: «In partenza da Novgorod (per il Movozero?), Griška e Kosta lasciano in deposito presso (l'usuraio?) Sidor diversi loro capi di vestiario» [Faccani 1995: 162]. Нельзя исключать, что издательское словodelение было обусловлено визуальным обликом этой последовательности букв, как бы ограниченной с двух сторон «пробелами».

Но лимноним *Мовозеро*, так же как и антропоним *Ладонга*, не известен из других источников и также не имеет этимологии, что заставляет задуматься о возможных альтернативах этому чтению.

И такая альтернатива действительно существует: словodelение *а цто са подите намо в озери* устраняет спорный топоним и дает вполне удовлетворительный смысл: ‘а если что случится с нами в озере, [вы], прислав [за вещами], возьмете [их]’. Такому словodelению идеально соответствует управление глагола *подыатиса* дательным падежом (ср. примеры в [СлРЯ XI–XVII, 15: 258]).

Соединение двух поправок позволило А. А. Гиппиусу (личное сообщение) предложить следующую реконструкцию отраженной в грамоте ситуации. Упоминаемое в конце грамоты озеро есть не что иное, как Ладожское озеро, куда отправляются на ловлю рыбаки Гришка и Коста, оставляя одежду на хранение у Сидора-Тадуга (или у Сидора и Тадуга) в городе Ладог⁵.

3. О рыбаках и рыбаках: к уточнению прагматики документа

Принять эту прагматическую реконструкцию необходимо с одной оговоркой: сомнительно, чтобы простым городским рыбакам в конце

если *Ладоба* выступает в грамоте как топоним, то иметься в виду может только город.

⁵ В этом случае в написании *оу* можно видеть просто отражение билабиального [w], а в *Ладоби* — местный падеж. Нельзя, однако, исключать, что перед нами правильное употребление предлога *у* с родительным падежом для обозначения положения внутри замкнутого пространства [СлРЯ XI–XVII, 30: 303, 3-е значение].

XIII в. было экономически целесообразно преодолевать больше двухсот километров в один конец даже с учетом того, что в Ладожском озере в самом деле водились первосортные лососевые рыбы, не заходившие в Волхов [Куза 1961: 56]. Отмеченное А. Д. Горским «чрезвычайно скрупулезное, даже можно сказать, мелочное распределение рыболовных угодий и времени рыбной ловли в этих угодиях между различными владельцами» на Руси в XIV–XV вв. [Горский 1960: 82], безусловно, не оставляло в Ладожском озере места для каких-то «частных предпринимателей» из Новгорода. Зато, как пронциательно замечали А. В. Куза и А. А. Медынцева [Куза, Медынцева 1974: 228], писцовые и лавочные книги Новгорода 1580-х гг. регистрируют в городе свыше 150 *рыбников* и лишь одного *рыбного ловца* [Пронштейн 1957: 250]⁶. Как нам представляется, именно *рыбниками* и были Гришка и Коста.

Может возникнуть вопрос: зачем рыбникам, отправлявшимся к Ладожскому озеру, понадобилось переодеваться? Ответ на него мы, как кажется, находим в монографии А. В. Кузы [Куза 2016: 176], где приведена цитата из грамоты белозерского князя Михаила Андреевича 1435–1447 гг. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Трифону, в которой монастырским людям дозволяется *торговать лете в лодках, а зиме на возех, а также в озере у неводов сущом и рыбою* [АСЭИ, 2: 48; выделено нами. — Д. К., М. С.]. Думается, что торговля *в озере у неводов* вынуждала рыбников оставлять неподалеку сухое и чистое городское платье.

Связь нескольких поколений владельцев неревской усадьбы Б, где найдена наша грамота, с крупными рыбными (вероятно, сиговыми) угодьями демонстрируется грамотами № 147 (1220–1230-е гг.), где некий подвойский убеждает своего господина, Филиппа, что, хотя для сига еще не сезон, почестье ему будет хорошее, и № 144 (1310–1330-е гг.), в которой «муж добр Есиф Давыдович» [Буров 1975] приказывает некоему Косарику взять у Тимофея порцию в 50 сига.

⁶ В *рыбниках* позволяет видеть рыбаков лишь один поздний южновеликорусский контекст из СлРЯ XI–XVII [22: 270] (Отписка Лебедянского воеводы 1629 г. [АМГ, 1: 261]): *Ловятъ рыбу [...] насильствомъ и рыбниковъ, которые ловятъ удами, съ твоего государева жалованья, съ моей откупной рьки, сбиваютъ* [выделено нами. — Д. К., М. С.]. Прочие относительно ранние словоупотребления из СлРЯ XI–XVII и НКРЯ однозначно указывают на то, что *рыбники* — либо рыботорговцы, либо сборщики рыбного оброка в пользу бояр или князей, либо — еще вероятнее — лица, совмещающие эти функции.

Цифры, приводимые А. В. Кузой и А. А. Медынцевой на основании таблиц А. П. Пронштейна, надо все же несколько скорректировать: *рыбных ловцов* последний насчитал трех в писцовой книге Мещерского и двух — в лавочных книгах 1583 г. Единственный же *ловец* в писцовой книге Аксакова в действительности может быть охотником, а не рыболовом. Число рыбников тоже можно уточнить: с учетом *просольных* и *свежих* их, по подсчетам А. П. Пронштейна, должно быть в сумме 174. Но общая картина, конечно, от этого не меняется: в Новгороде XVI в. рыбников было, хотя и не на два порядка, но на порядок больше, чем рыбаков.

Что стоит за несколько неопределенным и явно эвфемистическим⁷ выражением *<что сѧ подѣють намѣ въ озерѣ>*, к возможности какого происшествия готовятся Гришка и Коста? Можно, конечно, поискать ответ на этот вопрос в Новгородской первой летописи, фиксирующей под 1228, 1284, 1313 и 1317 гг. в Приладожье военные столкновения новгородцев с *лъмью и нѣмцами*, что свидетельствует о «геополитической нестабильности» в регионе. Однако исходя из презумпции банальности бытового текста, разумнее предполагать такую причину несчастных случаев, которая за своей обыденностью на страницы летописи не попадала. Такой причиной могли быть бури на Ладожском озере, которые, как известно, стали одной из причин начала строительства Ладожского канала в 1719 г.⁸ Так что, может быть, именно разгул стихии и имеется в виду в нашем документе.

Стоит отметить в этой связи интересные данные одной новгородской писцовой книги конца XVI в., иногда указывающей причины запустения городских дворов. Лишь однажды в книге прямо сказано, что человек «утонул на Ладоском озери» [Майков 1911: 15], тогда как убийство «немцами» в Ладоге засвидетельствовано дважды [ibid.: 15, 16] (характерно, что в обоих случаях жертвой «немцев» становятся именно *рыбники*). Еще чаще (по нашим подсчетам, 11 раз) говорится, что рыбник «сошел» или «сбежал» *безвѣстно*. Но та же формулировка более трехсот раз применяется и к представителям других профессий. Поэтому как-то прямо экстраполировать эту скупую статистику на конец XIII в. вряд ли возможно.

Предложенные поправки не только избавляют нас от постулирования в коротком тексте сразу двух уникальных для истории русского языка имен собственных, но и позволяют предложить более конкретный прагматический контекст создания документа.

Теперь можно сделать выбор между вариантами прочтения заключительной словоформы *възмѣтѣ*, которые предлагает А. А. Зализняк на усмотрение читателя (см. перевод выше): *възмѣтѣ* и *възметѣ*. Если принять первый вариант, то ни в тексте, ни в реконструируемой вокруг текста прагматической ситуации попросту не находится лица, чье действие могло бы быть выражено презенсом 3 л. ед. ч.: гипотетический Сидор-Тадуй не может «взять» обозначенные вещи, так как уже имеет

⁷ Ср. употребление глагола *подеяться* в записанном в XX в. «Вопле дочери об отце»: *Што сделалось у нас теперь, подеялось, | Ново чудушко у нас да обчудилосе, | Ново диво объявилосе, | Велико несчасье случилось!* [Русские плачи: 111].

⁸ В указе от 18 ноября 1718 г. «О заклеивании всех судов староманерных, и о строении вновь эверсов и прочих судов по образцу» Петр I сетовал: «Всем ведомо есть, какой великой убыток по вся годы чинится на Ладожском озере от худых судов, и что одним сим летом с тысячу судов пропало, а с начала строения сего места более 10000» [ПСЗРИ, 5: 593].

их на руках, да и находится он в Ладоге, а не в Новгороде, куда была отправлена грамота. Второй же вариант прагматической реконструкции соответствует идеально: грамота, которую пишут Гришка и Коста в присутствии хранителя (или хранителей) своего имущества, направляется в Новгород их родственникам, которые смогут приехать и получить вещи от хранителей в случае гибели рыбников на основании этого документа. Таким образом, документ делится на «актовую» часть, где Гришка и Коста упоминаются в третьем лице, и их «инструкцию» к родственникам, в которой авторы говорят о себе в первом лице.

4. Фантом синтаксический

Тот факт, что автор был склонен не только к редупликации букв (*гри{и}шка, присл{л}авъши*), но и к пропуску конечных слогов (**Ладѡ п... → Ладѡ{n}ги положили*), дает основание высказать еще одну поправку — грамматическую.

Словоформа *гришки* в конце второй строки рассматривалась А. А. Зализняком как единственный среди берестяных грамот надежный пример употребления родительного падежа принадлежности у существительного вне особых условий [ДНД₂: 158–159]. Такими особыми условиями являются, с одной стороны, случаи, когда посессор выражен отчеством или субстантивированным прилагательным типа *тысячскыи* (для них в языке притяжательные дериваты отсутствовали), с другой — случаи, когда посессор выражен словосочетанием (здесь употребление родительного падежа принадлежности допустимо, чтобы избежать нагромождения притяжательных прилагательных) [Ibid.]. При этом словосочетание, как показала С. Я. Макарова [1954: 16–17], в таких случаях следует понимать расширительно, т. е. включать в это понятие также ряд однородных существительных⁹.

Но надо отметить, что гипокористические личные имена *а*-склонения типа *Гришка* являются той категорией существительных, у которых «адъективный» способ выражения притяжательности вытесняется «генетивным» медленнее всего [Борковский, Кузнецов 1963: 425; Булаховский 1958: 321], отчетливо преобладая даже в современном узусе [Кустова 2018: 63–65]. В Древнерусском и Эпиграфическом корпусах НКРЯ среди непереводаемых текстов случаев употребления родительного падежа принадлежности для этой категории существительных (не

⁹ Во всех таких примерах XI–XIV вв. (и у С. Я. Макаровой, и в НКРЯ) эти два существительных на самом деле представляют собой пару святых, где эллиптически пропускается прилагательное *святую* Род. п. дв. ч., вызывавшее постановку всего словосочетания в Род. п. (например, *ѣркы [святую] Бориса и Гльба*).

осложненных определением, не являющихся приложением и не имеющих при себе однородных членов) не находится ни одного.

Между тем ничто не мешает предположить, что и здесь мы имеем дело с пропуском конечного слога в нормальном посеве *Гришкине* или *Гришкини*¹⁰. Еще раз заметим, что пропуск слога сам по себе является чрезвычайно распространенным явлением (см. примеч. 3), и предполагать здесь именно его предпочтительнее, чем видеть в *гришки* не засвидетельствованный для древнерусского языка XI–XIV вв. грамматический феномен.

Текст и перевод грамоты с учетом предложенных поправок¹¹:

+ оу сидора · оу тадоуа · оу ладо{п}ги · по~~ѣ~~
 ложе ле гри·{и}шка · с костою · а во тобола~~х~~ а гришки<не> ко~~ѣ~~
 жюхе · свита сороцица · шапка · а ко~~ѣ~~
 стина свита · сороцица · а тоболи кости~~ѣ~~
 ни · а сапоги костини · а други:и : гришки~~ѣ~~
 ни : а цто са подите намо в озери присл{л}а~~ѣ~~
 вѣши вѣзмете

‘У Сидора и Тадуя (или: у Сидора-Тадуя) в Ладогe положили Гришка с Костой в сумках [следующее]: Гришкины — шуба, свита, рубашка, шапка, Костины — свита, рубашка; а [сами] сумки Костины; да [еще] сапоги Костины, а другие Гришкины. А если что случится с нами в озере, [вы,] приславши [за вещами], возьмете [их]’.

Библиография

Источники

АМГ

Акты Московского государства, 1–3, С.-Петербург, 1890–1901.

АСЭИ

Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси, 1–3, Москва, 1952–1964.

Борковский, Кузнецов 1963

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1963.

Булаховский 1958

Булаховский Л. А., *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, 5-е изд., Киев, 1958.

¹⁰ *Гришкине* — если определение было согласовано с первым членом однородного ряда *кожюхе, свита, сороцица, шапка*. *Гришкини* — если оно согласовывалось во множественном числе с совокупностью перечисленных объектов. Судя по дальнейшему *Костина свита, сороцица*, автор грамоты предпочитал первую конструкцию.

¹¹ В фигурных скобках — лишние буквы, в угловых — недостающие.

- Буров 1975
Буров В. А., «Муж добръ Есифъ Давыдович», *Советская археология*, 1975, 4, 267–273.
- Горский 1960
Горский А. Д., *Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.*, Москва, 1960.
- ДНД₁
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.
- ДНД₂
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.
- Жуковская 1959
Жуковская Л. П., *Новгородские берестяные грамоты*, Москва, 1959.
- Зализняк 1986
Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 8: из раскопок 1977–1983 гг.*, Москва, 1986, 89–219.
- Зализняк 2000
Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 10: из раскопок 1990–1996 гг.*, Москва, 2000, 134–429.
- Кафенгауз 1960
Кафенгауз Б. Б., Заметки о новгородских берестяных грамотах, *История СССР*, 1960, 1, 168–174.
- Куза 1961
Куза А. В., Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам, *Археологический сборник*, Москва, 1961, 55–62.
- 2016
Куза А. В., *Рыбный промысел в Древней Руси*, С.-Петербург, 2016.
- Куза, Медынцева 1974
Куза А. В., Медынцева А. А., Заметки о берестяных грамотах, *Нумизматика и эпиграфика*, 11, 1974, 215–230.
- Кустова 2018
Кустова Г. И., Прилагательные, *Материалы к корпусной грамматике русского языка, 3: Части речи и лексико-грамматические классы*, С.-Петербург, 2018, 40–107.
- НГБ 1958
Арциховский А. В., Борковский В. И., *Новгородские грамоты на бересте, 4: из раскопок 1955 г.*, Москва, 1958.
- НПК, 1–6
Новгородские писцовые книги, 1–6, С.-Петербург, 1895–1910.
- Майков 1911
Майков В. В., *Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в.*, С.-Петербург, 1911.
- Макарова 1954
Макарова С. Я., Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв., *Труды Института языкознания*, 1954, 3, 7–31.
- Малькова 2012
Малькова Т. Н., Учетно-финансовая практика Великого Новгорода XI–XIV вв. по текстам берестяных грамот, *Общество. Среда. Развитие*, 2012, 3, 31–35.
- Мещерский 1995
Мещерский Н. А., К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот, *Idem, Избранные статьи*, С.-Петербург, 1995, 108–147.

Пронштейн 1957

Пронштейн А. П., *Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города*, Харьков, 1957.

ПСЗРИ, 1–45

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг., 1–45, С.-Петербург, 1830.

Русские плачи

Виноградов Г. С., ред., примеч., *Русские плачи (причитания)*, Ленинград, 1937.

СлРЯ XI–XVII, 1–32–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–32–, Москва, 1975–2023–.

Черепнин 1969

Черепнин Л. В., *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*, Москва, 1969.

Шилов 2010

Шилов А. Л., Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот, *Вопросы ономастики*, 2010, 8/1, 33–54.

Янин 1986

Янин В. Л., Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 8: из раскопок 1984–1989 гг., Москва, 1986, 220–251.

— 1998

Янин В. Л., *Я послал тебе бересту...*, 3-е изд., Москва, 1998.

Faccani 1995

Faccani R., *Iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla*, Udine, 1995.

Saarikivi 2007

Saarikivi J., Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents, J. Nuorluoto, ed., *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера. Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens* (= Slavica Helsingiensia, 32), Helsinki, 2007, 196–246.

References

Artsikhovskiy A. V., Borkovsky V. I., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 4: iz raskopok 1955 g., Moscow, 1958.

Borkovsky V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1963.

Bulakhovsky L. A., *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu iazyku*, 5th ed., Kyiv, 1958.

Burov V. A., "Muzh dobr" Esif" Davydovich", *Sovetskaja arkheologiya*, 4, 1975, 267–273.

Cherepnin L. V., *Novgorodskie berestianye gramoty kak istoricheskii istochnik*, Moscow, 1969.

Gorsky A. D., *Ocherki ekonomicheskogo polozheniia krest'ian Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XV vv.*, Moscow, 1960.

Kafengauz B. B., Zametki o novgorodskikh berestianykh gramotakh, *Istoriia SSSR*, 1, 1960, 1, 168–174.

Kuza A. V., Rybolovstvo v drevnem Novgorode po berestianym gramotam, *Arkheologicheskii sbornik*, Moscow, 1961, 55–62.

Kuza A. V., *Rybnyi promysel v Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2016.

Kuza A. V., Medyntseva A. A., Zametki o berestianykh gramotakh, *Numizmatika i epigrafika*, 11, 1974, 215–230.

Kustova G. I., Prilagatel'nye, *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka*, 3: Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy, St. Petersburg, 2018, 40–107.

Makarov S. Ya., Roditel'nyi padezh prinadlezhnosti v russkom iazyke XI–XVII vv., *Trudy Instituta iazykoznaniia*, 3, 1954, 7–31.

Malkova T. N., Uchetno-finansovaya praktika Velikogo Novgoroda XI–XIV vv. po tekstam berestianykh gramot, *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 3, 2012, 31–35.

Meshchersky N. A., K izucheniiu iazyka i stilii novgorodskikh berestianykh gramot, Idem, *Izbrannye stat'i*, St. Petersburg, 1995, 108–147.

Pronshtein A. P., *Velikii Novgorod v XVI veke: Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii russkogo goroda*, Kharkiv, 1957.

Shilov A. L., Etnonimy i neslavianskie antroponimy berestianykh gramot, *Voprosy onomastiki*, 8/1, 2010, 33–54.

Yanin V. L., Popravki i zamechaniia k chteniiam berestianykh gramot, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *iz raskopok 1984–1989 gg.*, Moscow, 1986, 220–251.

Yanin V. L., *Ia poslal tebe berestu...*, 3rd ed., Moscow, 1998.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, Ianin V. L., Zalizniak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *iz raskopok 1977–1983 gg.*, Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie, Ianin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *iz raskopok 1990–1996 gg.*, Moscow, 2000, 134–429.

Zhukovskaya L. P., *Novgorodskie berestiane gramoty*, Moscow, 1959.

Дмитрий Сергеевич Крылов,

аспирант, младший научный сотрудник

Института русского языка имени В. В. Виноградова

Российской академии наук

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

krydmi@mail.ru

Михаил Алексеевич Соколов,

независимый исследователь

Эстония / Estonia

m.a.sokolov@list.ru

Received June 25, 2025